

К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное

© 2021, Е.Р. Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: На основании ранее неизвестных архивных материалов в статье реконструирована история создания первого в эмиграции сатирического журнала «Ухват». Предметом исследования стали особенности идейной и литературной программы печатного органа, образованного по инициативе одного из представителей русского Монпарнаса — поэта Д.Ю. Кобякова, и при участии известных писателей — А.М. Ремизова и М.А. Осоргина. Они составили неформальную редакционную коллегию, которая фактически определяла программу издания. Статья содержит новые данные к творческой биографии руководителей журнала. Публикуемый материал позволяет проследить специфические нюансы программы журнала в контексте русской эмиграции и в интерпретации его редактора, вернувшегося в 1958 г. в СССР. В истории русской зарубежной печати «Ухват» остается изданием, в котором нашли отражение умонастроения представителей русского зарубежья, были опубликованы юмористические эскапады как известных мастеров литературы, так и авторов, скрывшихся под псевдонимами.

Ключевые слова: русская эмиграция, идеология литературы, периодическая печать, сатира, редакционная стратегия, Д.Ю. Кобяков, М.А. Осоргин, А.М. Ремизов.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: Обатнина Е.Р. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // Литературный факт. 2021. № 3 (21). С. 278–303. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-278-303>

В истории русского зарубежья 1926 г. оказался переломным для поколения творческой молодежи, обозначившей свое присутствие в контексте литературной жизни Парижа образованием новых периодических изданий. Даже заголовки учрежденных в тот год журналов сообщали читателю манифестацию программных установок, отличных от этико-эстетических и идеологических взглядов литературных корифеев — «Благонамеренный», «Ухват», «Версты», «Новый Дом». Однако стремление к самостоятельности, подтвержденное также основанием в 1925 г. Союза молодых поэтов и писателей, не исключало избирательных отношений со старшим поколением писателей.

Нам уже приходилось обращаться к описанию взаимосвязанных событий в редакционной жизни журналов «Благонамеренный» и «Версты», содержание которых формировалось при активном участии А.М. Ремизова [13]. Архивные материалы предоставляют факты, свидетельствующие о литературной «опеке» писателя и над малоизвестным журналом «Ухват», который оказался звеном в цепочке новообразованных печатных органов, существенно изменивших картину мира русской литературной эмиграции.

На исходе 1924 г. в ландшафте русского Монпарнаса проявился литературный профиль поэта Дмитрия Юрьевича Кобякова (1898–1978)¹. К этому времени творческий опыт двадцативосьмилетнего эмигранта был невелик: в 1923 г. в Югославии он инициировал издание журнала «Медуза», прекращенное после выхода первого номера [17, р. 248–249], а в период краткого пребывания в Праге (1923–1924), приобщившись к объединению «Скит Поэтов», подготовил к печати свой второй стихотворный сборник². Знакомство с русским Парижем Кобяков начал с визита на rue Mozart, где в это время проживал Ремизов, вошедший в узкий круг авторов недолговечной «Медузы»³. Наверняка, писатель, получив в качестве гонорара номер белградского журнала, обратил внимание на эмоциональную по тону программную статью, содержащую такие близкие его взглядам тезисы о редакционной политике эмигрантской печати, как свобода от партийности и взаимообогащение культурными ценностями с государствами, предоставившими временное, как хотелось надеяться, прибежище эмигрантам из России [7, с. 456–457].

¹ Биографические данные, собранные по архивным источникам, см.: [3, с. 226–232; 25, с. 141–145; 22, с. 713–716; 8, с. 128–129].

² *Кобяков Д.* Керамика: Тринадцать вещей 1924 года. Париж: «Птицелов», 1925. 13 с. В библиографии Кобякова зафиксирован также отсутствующий в отечественных книжных фондах первый по счету сборник «Осколки» (Б. м., 1921). О творческой биографии поэта в контексте пражского «Скита»: [3, с. 41].

³ Подробнее о истории отношений Ремизова и Кобякова см.: [9].

Ремизов и при личной встрече не потерял интереса к корреспонденту, внезапно прервавшему начатое два года назад эпистолярное знакомство. Писатель, поддерживающий дружеские отношения с весьма узким кругом старших представителей эмиграции, с которыми его связывали начальные годы творческой биографии (с Н.А. Бердяевым, Б.К. Зайцевым, М.А. Осоргиным, Л.И. Шестовым), был расположен к общению и сотрудничеству с молодежью. В течение 1925 г. в квартире писателя стали появляться начинающие литераторы, привлеченные обаянием и колоритом его творческой личности. Немногие из этих младших находили поощрение в редакциях известных толстых журналов и в откликах литературной критики. Для Ремизова же, как свидетельствует его переписка, идея воспитания учеников с каждым годом эмигрантской жизни обретала все большую актуальность: с ними он отчасти реализовал и свои творческие потребности, созвучные тенденциям европейской культуры [10, с. 460–480].

Одним из мотивов сближения представителей двух поколений стала потребность начинающих в образовании самостоятельных издательских проектов, необходимых для выражения тенденций современной литературы и мироощущения молодых писателей и поэтов. Ремизовские молодые друзья во многом воспроизводили позицию избранного ими наставника. Одни транслировали примирительную идею синтеза творческих тенденций русской литературы, возникающих независимо от политических убеждений и государственных границ. Другие стремились к ассимиляции с западноевропейскими культурными мейнстримами. В конце 1925 г. в доме Ремизова повстречались будущие редакторы новых журналов — Д.А. Шаховской, Д.П. Святополк-Мирский и П.П. Сувчинский.

Появившийся в Париже Дмитрий Кобяков привлек писателя не только своими издательскими амбициями, но и «необщим выраженьем» творческой личности, без оглядки на критиков, устремленной (в меру своего таланта) к пересмотру выразительных средств поэтического дискурса. Вскоре он стал, наравне с молодыми парижанами — Вадимом Андреевым, Брониславом Сосинским и Владимиром Диксоном, одним из литературных протеже Ремизова, рекомендованным редактору «Благонамеренного» князю Шаховскому в качестве потенциального автора и будущего союзника молодежной «коалиции», поставившей перед собой задачу противопоставить идеологическим постулатам парижских литераторов старшего поколения — беспартийные и внеидеологические критерии восприятия художественных произведений.

Деятельная натура Кобякова определенно вызывала ремизовские симпатии. По нашим предположениям, писатель, поддерживая его литературные начинания, старался направить безудержную энергию «завоевателя» Парижа на насущные проблемы современного момента. Неслучайно, именно Ремизов взял на себя полномочия в письме Шаховскому проанонсировать возникший летом 1925 г. спонтанный проект:

Вас будет просить о стихах для сборника Кобяков, — сообщал Ремизов своему молодому корреспонденту и соратнику. Этот сборник он делает на свои деньги, от своего тяжелого заработка, хочется ему хоть одну книжку листа в 2а. Главное будет молодых писателей две прозы <sic!> — Цебрикова и Сосинского.

А у остальных, — это будет большое испытание — у китов он попросит 1 стр.

Представляете себе, 2 года привыкшие писать по листам, и задача: 1 стр.! <...> [5, с. 221, письмо от 18 августа]

Подоплека добровольной миссии Ремизова отчасти была связана с личными надеждами на инициативу молодежи, направленную на расширение книжного рынка и периодических изданий, число которых в эмиграции к середине 1920-х гг. катастрофически не отвечало потребностям творческих профессий русской эмиграции. С другой стороны, солидаризация Ремизова с молодыми подразумевала идею создания сильной и независимой оппозиции парижским литературным «цензорам» и критикам, установившим регламент *quantum satis* по отношению к новой поэзии и прозе начинающих. Такой же прессинг испытывал и зрелый мастер, не раз встречавший негативную рецепцию его творческих экспериментов [12, с. 246–265]. Не случайно предложение к сотрудничеству в литературном сборнике, поступившее вскоре от Кобякова, брюссельские поэты восприняли как шаг солидаризации с «Благонамеренным». Осенью 1925 г. представитель редколлегии журнала Юрий Цебриков делился со своим парижским корреспондентом предложениями относительно целей нового молодежного издания:

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

Получил также от г. Кобякова карточку, в которой он просит меня по Вашему совету прислать рассказ для «Ухвата». Я сегодня послал рассказ «Письмо». Но что за Ухват? То ли, что предполагал Шаховской? Если да, то почему не воспользоваться одним из пяти

рассказов <...>, которые сейчас у Шаховского для приткновения <sic!> их куда-либо? Ну да все равно. Спасибо Вам опять-таки за ходатайство⁴.

Позаимствованное из ремизовского лексикона название «Ухват» подтверждает степень влияния писателя на издательские планы Кобякова⁵. Естественно, что едва забрезжила возможность выпустить сборник, будущий редактор уже продумал его структуру и в императивной форме сообщил писателю свое видение ближайшего будущего: «Вы будете редактировать отдел в “Ухвате” и “Обезвельволпал”» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a). Таким образом, Ремизову отводилась роль редактора раздела прозы и своя «вотчина» в виде рубрики, посвященной мифической деятельности Обезьяней Великой палаты, адаптация которой на страницах эмигрантской печати уже имела свои прецеденты [28].

Однако идея сборника оказалась эфемерной и через некоторое время стремительно преобразовалась в более долгосрочный формат молодежного журнала. В октябре переговоры с неким издателем, готовым на финансовую поддержку, чуть было не завершились изменением уже бывшего на слуху названия. Об этом Кобяков докладывал в срочно отправленной почтовой карточке:

21 октября <1925>. 9 ч. 20 м. вечера.

Дорогой Алексей Михайлович!

<...> Михаил Струве известил меня, что в пятницу вечером мне необходимо быть у Гладкого, чтобы договориться об издании журнала.

Журнал будет — но не «Ухват» — издатель не согласен. Хотите «Шатер»? Гумилев тут ни при чем, журнала такого еще не было — и название не очень плохое. Решайте Вы. Когда я разбогатею — издам «Ухват» сам, а сейчас, очевидно, нельзя.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Дмитрий Кобяков⁶.

⁴ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1.

⁵ В архиве Ремизова сохранились черновой автограф заметки для печати, посвященной мифическим периодическим изданиям, объединенных сходной семантикой названий:

Щипцы

Ухват, Бык и наконец Щипцы (Les tenailles) в руках приезжей в Париж Марины Цветаевой. Новое издательство предложено по преимуществу для выпуска стихов и краткой прозы. Предполагается печатание повести Ф.А. Степуна «Утопленник». (Amherst. Series 1. Box. 11. Folder 11). См. также примеч. 29.

⁶ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a.

Решение о литературном направлении нового периодического издания оказалось в прямой зависимости от судьбы брюссельского «Благонамеренного», который закончил свое существование на втором номере (вышел из печати в конце апреля 1926 г.), вызвав в критике старшего поколения парижан прохладные и даже враждебные отклики. Недоброжелательным оппонентом Шаховского выступила З. Гиппиус, увидевшая в программной статье и авторском составе журнала идеологическую «ересь», выражавшуюся в принципиальном разграничении сфер политической и литературной деятельности. Хронология событий лета 1925 г., с очевидностью обнаруживает, что воинственный настрой авторитетного критика, призвавшего сторонников к решительному отпору инакомыслящим, подтолкнул Шаховского сделать выбор между дольным и горним [13, с. 14–26], а Кобякова и стоящего за ним Ремизова заставил пересмотреть тактику и обратиться к жанру сатиры в качестве отвлекающего маневра, для утверждения все тех же задач создания единого поля русской литературы, объединяющего как зарубежных, так и советских писателей. Кардинальная переориентация позволила задуманному журналу не только заполнить пустующую в эмигрантской периодике нишу, но и сохранить литературную и идейную независимость.

В феврале 1926 г. Кобяков и его товарищ — художник Александр Шем⁷, на выпуске первого номера разделившие между собой редакционные обязанности, занялись привлечением к сотрудничеству известных литераторов. Вполне вероятно, что Ремизов способствовал контактам Кобякова с М.А. Осоргиным, который уже 4 февраля получил нижеследующее письмо:

Paris, le 4 Février — <19> 26

Многоуважаемый Михаил Андреевич,

Завтра, 5-го февраля, от 12ти до ½ 1ого мы приедем к Вам и очень просим от имени Ухвата, принять нас, так как в совете и указаниях ваших мы сильно нуждаемся.

Дмитрий Кобяков
Александр Шем⁸.

⁷ Александр Павлович Шеметов (псевд. Шем; 1898–1981) — художник-график, иллюстратор, живописец.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 1. Письмо написано рукой Кобякова. Автор публикации выражает сердечную благодарность Л.И. Соболеву за неоценимую помощь в работе с письмами Кобякова, хранящимися в фондах РГАЛИ.

Встреча была плодотворной: журнал решили выпускать по принципу тематических номеров. Осоргин и Ремизов с этого времени становятся теневыми идейными руководителями и негласными сотрудниками «Ухвата». Обоих писателей характеризовала двойственная позиция по отношению к современной России, что в парижской литературной среде 1926 г. вызывало резкую критику в адрес Ремизова, а в отношении более нейтрального в своих печатных выступлениях Осоргина — кулуарные подозрения в идеологической неустойчивости. Политический прагматизм во взглядах на творчество как Ремизова, так и Осоргина прочитывается в редакционной переписке журнала «Современные записки», этого оплота эмигрантского антибольшевизма.

В декабрьском номере журнала за 1925 г. состоялась публикация рассказа Ремизова «По “бедовому” декрету» (Кн. 26. С. 183–194), основанного на автобиографических реалиях 1917–1921 гг. Близкий редакции А.А. Кизеветтер, высказался в связи с новым произведением и по поводу тенденций эмигрантского самосознания:

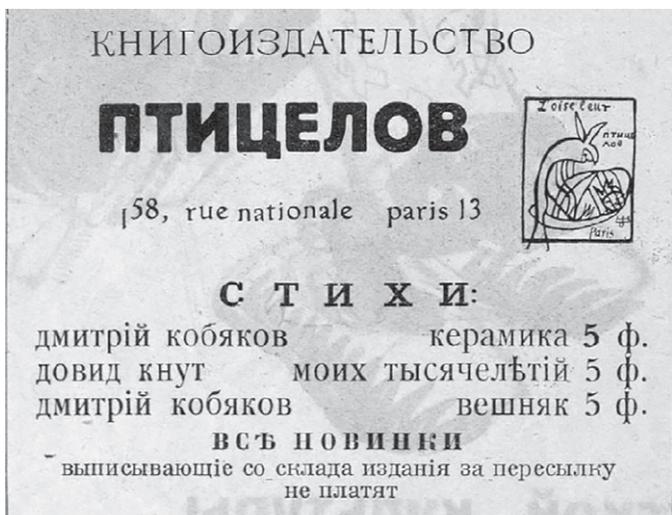
Очерки вроде ремизовского <...> очень полезны, независимо от степени их художественности. Нужно печатать побольше таких подлинных картин советской действительности. Ведь даже и сейчас, при живых свидетелях, <А.В.> Пешехонов и Осоргин пытаются идеализировать эту действительность, что же будет позднее, когда вступит в свои права психологический закон: «Что пройдет, то будет мило»?

[14, с. 474; письмо от 11 янв. 1926 г.]

Официальная и «теневая» редакция «первого в эмиграции двухнедельного сатирического журнала», «внепартийного» и «никем не субсидируемого», как подчеркивалось в редакционной заметке «Ухвата», вошедшего в литературный мир Парижа 31 марта 1926 г., несомненно, преследовали цель продемонстрировать альтернативный существующим периодическим изданиям нетипичный взгляд на эмигрантскую реальность образца 1926 г. Тема первого номера «Ухвата» звучала по меньшей мере провокационно — «Наша политическая физиономия».

Формально журнал выпускали с грифом издательства «Птицелов», первоначально учрежденного Кобяковым под публикацию собственных стихотворных тетрадей⁹. Графическую марку для этого

⁹ В июне 1925 г. в издательстве «Птицелов» также была выпущена книга стихов Д. Кнута «Моих тысячелетий».

Плакат издательства «Птицелов» с рисованной маркой работы А. Ремизова. 1926.
Опубл. в рекламных блоках номеров журнала «Ухват».

A poster of the "Birdcatcher" publishing house with a hand-drawn stamp by A. Remizov. 1926. Publ. in the advertising blocks of the issues of the "Ukhvat" magazine.

частного предприятия изготовил Ремизов¹⁰. Символика рисунка с изображением ушастого зверка, напоминающего зайца, который заботливо склонился над гнездом с птенцами, не оставляет сомнений в том, что в 1925–1926 гг. писатель не отделял Кобякова от своих учеников (таких не похожих на него), а его инициативу рассматривал в перспективе собственных творческих стратегий. Символика этой эмблемы имеет прямую взаимосвязь с двумя анонимными объявлениями об учреждении новых издательств, помещенными Ремизовым в газете «Дни»¹¹. Характерно, что мифическое издательство, анонсированное 8 февраля, называлось «Гнездо», а другое, появившееся 20 октября, как раз, когда решался вопрос о названии журнала с всемогущим Гладким (см. выше), — «Птицелов»¹². Символ «гнездо»

¹⁰ Марка, нарисованная, предположительно, в конце октября 1925 г., когда в типографии находился в производстве второй парижский сборник стихов Кобякова «Вешняк», впервые появилась именно на этом издании «Птицелова» в самом начале 1926 г. Издание также сопровождалось факсимиле «Обезьянней грамоты» Кобякова, подробнее см.: [9].

¹¹ Ср. письмо С.Я. Осипова — берлинского корреспондента Ремизова, державшего связь писателя с русскими издательствами в столице Германии, который еще в январе 1925 г. сообщал: «Информацию о "Птицелове" я переписал и отправил по Вашим указаниям» (Amherst. Series 1. Box 3. Folder 15).

¹² Заметим, что сама идея издательства была настолько актуальной, что его названия варьировались и вне интересующего нас семантического поля: 7 июня

объективирует ремизовскую модель творческой школы, основанной на идее преемственности писательского ремесла [10, с. 460–480]¹³.

Дебютный выпуск «Ухвата» сопровождался печатью небольшого тиража специального плаката, рекламирующего издательство «Птицелов» с ремизовской маркой в композиции.

В марте, когда первый номер «Ухвата» еще находился в производстве, уже полным ходом шла работа над вторым номером, посвященным теме «Charme Slave» — курьезным формам адаптации русской культуры и языка в европейском контексте.

Очевидно, что М.А. Осоргин вовлекся во все детали легализации и идейного наполнения номеров. Для учреждения издания понадобились поручители, имевшие французское гражданство. Кобяков и Шем уладили все формальности и остро нуждались в консультации профессиональных литераторов, хорошо владеющих политико-идеологической палитрой русского литературного Парижа. По всей вероятности, 19 марта «ухватцы» оповестили мэтра об очередном визите:

Пятница

Михаил Андреевич,

C gerant'ством все устроилось. Фамилия его г. Бесноватый <sic!> (на самом деле, не шучу — и он французский подданный)¹⁴.

В общем сохранен *couleur local*¹⁵.

Завтра мы уговорились с Дмитрием Юрьевичем <Кобяковым. — Е.О.> быть у Вас — к часу дня — поговорим спокойно о *Charme slave*.

Дм. Кобяков

А. Шем¹⁶.

в Литературной хронике того же печатного источника появилось объявление об издательстве «Башлык», которое якобы готовило к выпуску ремизовский «Воровской самоучитель» — собрание житейских максим, впоследствии опубликованное на страницах «Ухвата» (Ухват. 1926. № 5. 1 июля. С. 10; № 6. 20 июля. С. 11).

¹³ Об этом подробнее см. также: [9]. В этом символическом мотиве необходимо учитывать и ремизовскую автомифологию, которую он связывал с воспетой в южнорусских колядках птицей «ремез». См. также: [2, с. 224–228].

¹⁴ На последней странице журнала обозначалось имя взявшего на себя обязанности юридически ответственного лица: «Le Gérant: M. Bisnovaty». Марк Александрович Бисноватый не раз выступал «жераном» в эмигрантских изданиях (в частности, в издании «Ллойд-журнала». Париж; Берлин, 1931–1932), после окончания Второй мировой войны был редактором просоветской газеты «Русские новости» (Париж, 1945–1970). В 1954 г. в качестве верстальщика принимал участие в издании книги Ремизова «Огонь вещей» (изд. «Оплешник»).

¹⁵ Местный колорит (*фр.*)

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 3. Письмо написано рукой А. Шема.

Одновременно в двух мартовских письмах, адресованных Ремизову, Кобяков рассказывал о продвижении дел.

20 III 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

Номер немного опаздывает — не успели сделать все клише. Мы приступили к набору второго №, чтобы его не задерживать. Будем очень рады; если Вы пришлете для Charmé Slave «Сливы» — Шем читал в «Днях»¹⁷, и еще некоторые <1 сл. нрзб.>. Но все равно думаем пустить их в 3ий номер. — И рисунки¹⁸.

«Юбилей» набраны — клише готовы — вышло хорошо¹⁹.

Что-то «Версты» — действительно выйдут ли?²⁰

Это Вы так?

Быть у Вас не могу, так как до 6-ти вечера на заводе, а потом в типографии до 12 — или дольше <?> — корректура да письма деловые.

Может быть, Вы все же ответите мне.

Плакат — повесьте у себя на стене.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКобяков.

P.S. пишите по моему адресу на St. Jacques!²¹

Как следует из отчетов редактора, он, также как и Шаховской в Брюсселе, с нетерпением ждал тиража «Верст», для того чтобы обозначить единство трех журналов, своим появлением декларирующих новое видение задач современной русской литературы в условиях эмиграции. Далеко не случайным стал и тот факт, что первый номер «Ухвата», вышедший из печати 31 марта, уже 5 апреля продавался в помещении Клуба Союза молодых поэтов и писателей (79, rue

¹⁷ Здесь ошибочно назван источник первой публикации сказки «Сливы», которая в действительности была напечатана в газете «Последние новости» вместе с двумя другими литературными обработками записей фольклорных сказок, присланных Ремизову этнографом П.Г. Богатыревым («Басуркуны» и «Упырь»), под общим заголовком «Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П.Г. Богатырева» (Последние новости. 1925. 23 июля. № 1608. С. 3).

¹⁸ Сказка «Сливы» появилась в «Ухвате» в сопровождении авторской иллюстрации.

¹⁹ Речь идет о миниатюре: Ремизов А. Три юбилера (1866–1926) // Ухват. 1926. № 1. С. 8.

²⁰ Первый номер журнала «Версты» был отпечатан в десятых числах июня. Об участии Ремизова в формировании первых номеров см.: [19; 13].

²¹ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

Denfert-Rochereau), где была устроена лекция Д. Мирского «Культура смерти в русской предреволюционной литературе», оставившая скандальный след в истории русского Парижа 1926 г.²² Наивный вопрос Кобякова, касающийся отсрочки выхода «Верст», является не только подтверждением ремизовского положения «тайного советника», но и штрихом к характеристике личных стратегий писателя, который, по-видимому, поддерживал свое status quo «руководителя» молодежных журналов в глазах редактора, еще мало ориентировавшегося в литературном мире. Два дня спустя в письмах к Ремизову хроника рождения «Ухвата» была продолжена:

22 Mars 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

<...>

Устаю страшно — иногда хочется все бросить — ухвату на рога — но нужно сделать. Первый № еще не совсем такой, к<a>к я хотел бы. Потом выправится — пойдет лучше.

В «П<оследних> Н<овестях>» рассказывали, что много спрашивают журнал, газетчики не знают, где брать его. Постепенно налаживается все.

<рисунок: человек бежит, обняв большой ухват>.

<...>

Ваш ДмКобяков²³.

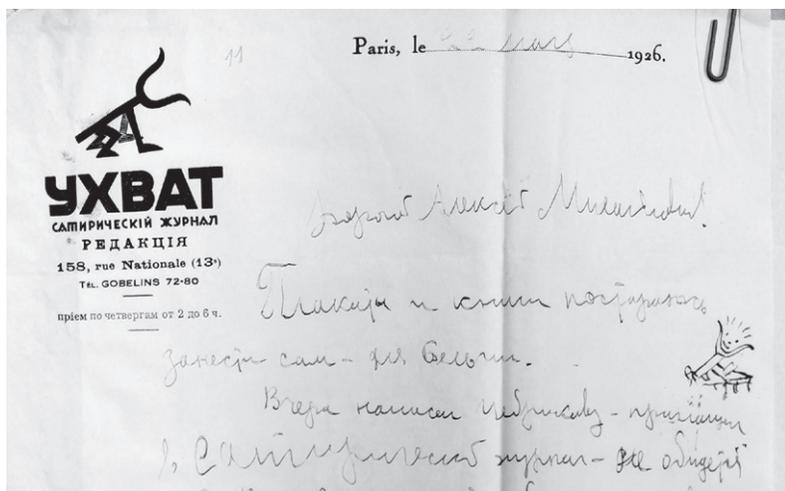
Самоотверженную преданность Кобякова своему издательскому детищу трудно переоценить, учитывая, что издание журнала осуществлялось за счет продажи тиража и, по-видимому, нередко на средства, заработанные самим редактором трудом сцепщика железнодорожных вагонов и заводского электромеханика. В краткие часы свободного времени он составлял тематические статьи, печатавшиеся в журнале анонимно; сочинял рассказы, пришлось упражняться и в стихосложении: юморески и сатирические вирши он подписывал псевдонимом «Елизавета Пинк»²⁴.

Тайная редакция с методической регулярностью совещалась то в эпистолярном диалоге, то в личных беседах Кобякова с Ремизовым и Осоргиным. Остроты и природная ироничность писателей, далеких от жанра сатиры, получили заслуженное признание в дружеских литературных кругах. В опубликованных без авторских подписей

²² См. упоминание: [27, с. 24–25].

²³ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

²⁴ О псевдонимах Кобякова см.: [24, с. 14].

Фрагмент Письма Д.Ю. Кобякова А.М. Ремизову. Париж. 1926. 22 мая. На фирменном бланке журнала «Ухват» с рисунком Кобякова. (Amherst).

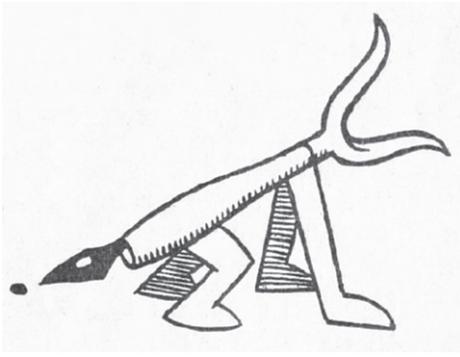
Fragment of D.Yu. Kobayakov's Letter to A.M. Remizov. Paris. 1926. 22 May. On the letterhead of the "Ukhvat" magazine with a drawing by Kobayakov. (Amherst).

заметках угадывается стиль или авторская «тема» этих двух тайных патронов журнала. В отличие от Осоргина, печатавшегося в журнале под псевдонимом «Робкий человек»²⁵, Ремизов скрывал свое присутствие лишь в единичных случаях, подстраиваясь под общий стиль современной журналистики, играя с формой газетного объявления, литературной хроники и житейской «мудрости»²⁶. Если Осоргин был мастером сатирической стилизации, раскрывающей особенности обывательского сознания русского эмигранта, то Ремизов явно акцентировал направление литературной ревизии, выявляющей уязвимые стороны современной печати, критики, журналистики, художественной литературы. Художник Шем практически буквально отобразил ремизовскую идею в символическом значке «Ухвата», соединившем в один инструмент перо и известный предмет народной утвари, с которым связана определенная сказочная парадигма функционального применения в диапазоне от прямой расправы до «пропекания»²⁷.

²⁵ Раскрытие псевдонима и известный иронический стиль общения Осоргина были обыграны в шуточном интервью Д. Кобякова, опубликованном без подписи под названием «Как живет и работает М.А. Осоргин» (Ухват. № 4. 15 июня. С. [6]).

²⁶ См. перечень его произведений, опубликованных в «Ухвате»: [1].

²⁷ По всей вероятности, логотип, изображенный на бланке с грифом журнала, был выполнен по рисунку Д. Кобякова, сопровождавшего свои письма к Ремизову похожей версией «оживленного» предмета.

А. Шем. Символ журнала «Ухват». 1926.
Опубл.: Ухват. 1926. № 1. 31 марта. С. 1.

*A. Shem. The symbol of the "Ukhvat" magazine.
1926. Publ.: Ukhvat. 1926. No. 1. March 31. P. 1.*

По нашему предположению, собственно ремизовское влияние сказалось и в заголовке раздела «Отдел насекомоядных». Помещенные здесь анонимные заметки по своей нацеленности на курьезные примеры из современной литературы, сходны с рубриками «Щуп и цапля» и «Цапля», которые помещались на страницах журнала «Своими путями» в 1926 г. и «Новой газеты» в 1931-м без указания имени автора [18, т. 14, с. 208–212, 220–223]²⁸. Не без ремизовской игровой эстетики Обезьяньей великой и вольной Палаты появилась и идея звания «кавалера ордена почетного Ухвата», которое ожидало «политических и общественных деятелей, писателей, ученых, лицах всех профессий» — «за наиболее плоские, пошлые и нелепые выступления в печати» (Ухват. № 1. С. 1).

Мастер мистификации, несомненно, был идейным вдохновителем нескольких остроумных шуток в собственный адрес. В первом номере журнала совсем в его стиле был помещен список вымышленных произведений современных писателей, в том числе и приписанный Ремизову сказ «Курдулак» (Ухват: № 1. С. 9)²⁹. Во втором номере в разделе «Литературные новости» сообщалось:

А.М. Ремизов ищет новых знакомых, так как обо всех старых уже не раз упоминал и во сне их больше не видит (Ухват. № 2. С. 9).

²⁸ Архив писателя сохранил оставшиеся вне печати адресные реплики Ремизова под общим названием «Ухват», написанные в связи с высказываниями на страницах повременной печати 1926 г. Дона-Аминадо, Вл. Ходасевича, М.А. Алданоаа и др. (Amherst. Series 1. Box. 11. Folder 23).

²⁹ Ср. анонимное объявление: «Переехавшая на постоянное жительство в Париж поэтесса Марина Цветаева становится во главе ежемесячного журнала «Щипцы». Журнал будет посвящен, главным образом, печатанью стихов, но в первом номере появится новая повесть Ф. Степуна «Утопленник» (Последние новости. 1925. 12 ноября. № 1704. С. 4). См. также примеч. 5. В литературном окружении Ремизова его авторство не требовало доказательств. Ср. письмо К. Мочульского Дм. Шаховскому: «Марина Цветаева в Париже, но к «Щипцам» никакого отношения не имеет, ибо Щипцы, конечно, выдумал Ремизов, хотя и отрицает» [5, с. 242].

Тенденция язвительных заметок, обращенных на творчество известного писателя, была усилена в четвертом номере:

«Асыкины» произведения Алексея Ремизова. В настоящее время переводятся самим автором на русский язык. Ввиду многих излюбленных Ремизовым словесных загогулин. Перевод продвигается крайне туго (Ухват. № 4. С. 13).

Такая литературная «провокация», на наш взгляд, имела целью создать резонанс вокруг прецедентов негативной критики и цензуры в парижской периодической печати, направленных на три авторские темы — увлечение редкими диалектизмами, «Обезвельволпал» и литературные сновидения. Именно на страницах «Ухвата» Ремизов развернул свою борьбу с преследованием литературных снов и использованием реальных имен в его художественных текстах [11].

Илл. 4. N. d'Haine. Алексей Ремизов. Шарж. <1925>. Опубл.: Ухват. 1926. Ухват. 1926. № 6. С. 11.

Fig. 4. N. d'Haine. Alexey Remizov. Cartoon. <1925>. Publ.: Ukhvat. 1926. Grasp. 1926. No. 6. P. 11.

Нашлись даже защитники писателя, обычно выступавшие со строгими оценками творческого эксперимента писателя в эмиграции. Так, почтенный критик Юлий Айхенвальд, вероятно, обратил внимание на приведенные выше «анти-ремизовские» заметки и, рецензируя журнал, решил попенять молодежи за несоблюдение литературной субординации:

«Ухват». Сатирический журнал. Издательство «Птицелов»

Он издается в Париже. Внешность его и многое в содержании напоминает собою стиль «Сатирикона». Но это все — в эмигрантском издании, т.е. не исправленном и дополненном, а, наоборот, ущербленном. Рисунки нуждались бы в гораздо большей четкости и, так сказать, убедительности. Так как «Ухват» начал свою насмешливую деятельность еще во время Зарубежного съезда, то он и ухватился за него — очень цепко и крепко. Но и «Возрождению» достается от журнала не меньше, чем «Последним Новостям», и вообще расточа-

ет он всем сестрам по серьгам. И даже собственные его сотрудники, как, например, Алексей Ремизов, не освобождены от невежливых ухваток «Ухвата»...³⁰

Как литературный, так и политический вектор сатирической публицистики журнала отличался неуловимой неопределенностью и приводил потенциальных оппонентов в затруднение. В первом номере редакция позиционировала свое издание как принципиально «молодежное» и обозначила пунктирную взаимосвязь с опытом бесславно завершившегося журнала «Благонамеренный». Между тем среди постоянных авторов «Ухвата» оказались в большинстве своем представители старшего поколения: Тэффи, Дон-Аминадо, Саша Черный, образовавшие преемственность «Ухвата» традиции петербургского «Сатирикона» (1908–1913), а также яростный противник советской власти фельетонист-политик Александр Яблоновский. Двойственная «послушность» и «лицемерие» пронизывали уверения редакционной заметки, мотивирующей тему первого выпуска. По предположению Айхенвальда, она была ориентирована на предстоящее в начале апреля основное событие эмигрантской жизни — Российский зарубежный съезд, на который были приглашены представители русских диаспор из 26 стран. Номер, как уже упоминалось, назывался «Наша политическая физиономия». Редакция, в сущности, состоявшая из одного Кобякова и его оставшихся в тени «направляющих» Осоргина и Ремизова, демонстративно следовала наставлениям главного блюстителя идеологии эмигрантской литературы — Зинаиды Гиппиус, уничтожившей журнал «Благонамеренный» за отказ от политики как таковой. В связи с этой печальной историей ликвидации нового молодежного журнала редакционная статья первого номера «Ухвата» начиналась эпиграфом в стиле редакционного примечания: *«просят критиков не читать»*.

Интрига программных установок состояла в заведомой дезориентации критически настроенных читателей: редакция, как будто выкладывая все «козыри», заявляла о своей политической и литературной незрелости и заранее расписывалась в полной безнадежности издания сатирического журнала на пространстве русского зарубежья, которое также неприкрыто называлось «эмигрантским болотом». Практически каждый пассаж «ухватовского» манифеста был обращен к проблеме кризиса отношений старшего и младшего литературных поколений. «Выпустив первый номер, такой скучный для нас самих, мы даем себе слово впредь политической физиономии

³⁰ Рувль. 1926. 20 окт. № 1789. С. 5.

не касаться и быть, как положено молодым и неопытным, благовоспитанными*»³¹, — писала редакция «Ухвата», при помощи отсылки (*не смешивать с «благонамеренными») недвусмысленно намекая на произведенную Гиппиус расправу с журналом Дм. Шаховского³².

Между тем тенденция к освещению советской действительности в сатирических тонах посредством перепечаток из советских сатирических изданий рассказов М.М. Зощенко, Н.А. Карпова, Б.М. Левина, стихов В.И. Лебедева-Кумача не предоставляла отчетливых поводов зачислить журнал Кобякова в число евразийский проектов, к которым незаслуженно был причислен «Благонамеренный» и справедливо отнесен журнал «Версты». Подобная «антисоветчина» «Ухвата» мало отличалась от московского «Крокодила» и парижской «Иллюстрированной России». В редакции журнала искусно выдерживалась линия политического нейтралитета или даже двойственности позиции, которая не создавала конфликта взглядов. Формулу виртуозной игры мнениями, на наш взгляд, вобрала в себя опубликованная в журнале загадка: «Почему Саша Черный — белый, а Андрей Белый — красный?» (Ухват. 1926. № 1. С. 9). Силлогизм не только предполагал заведомо известные ответы, но и объективировал неприемлемый для редколлегии журнала идеологический ракурс в оценках творчества известных представителей современной русской литературы.

Пристальное наблюдение за содержанием пяти номеров журнала в конце концов не вызвало у Гиппиус, поднявшей факел борьбы с эмигрантскими «большевиантами», серьезных нареканий. Она даже благосклонно упомянула об «Ухвате» в одном из писем к своему младшему коллеге — Г. Адамовичу, отличавшемуся взыскательностью и строгим отношением к качеству новой эмигрантской литературы. Неожиданно мнение ее *vis-à-vis* оказалось категорически противоположным. Одно только имя редактора нового журнала прозвучало для критика, изучившего уже поэтическую манеру Кобякова на вечерах Союза молодых писателей и поэтов, в унисон с пущенным Вл. Ходасевичем определением «кобяковщина», которое стало использоваться как назывное обобщение фиктивной, по сути, деятельности: «Я, конечно, верю Вашим честным отзывам об “Ухвате”, — отвечал Адамович Гиппиус, — но “помоги моему неверию”. Ведь там Кобяков — заправила!» [15, с. 441]³³.

³¹ Ухват. № 1. С. 1.

³² См. также: [25, с. 142–143].

³³ В конце года бурная деятельность поэта и редактора привлекла внимание Вл. Ходасевича, который 24 декабря отметил в личных записях событие редакционных будней газеты «Дни» — «разговор о Кобякове» [26, с. 79]. Ср. также воспоминания Ю. Софиева: «Вл. Ходасевич с присущей ему злостью ввел термин “кобяковщина”,

Тем временем Кобяков самоотверженно боролся за печатную жизнь «Ухвата». И все же содержание уже четвертого номера предвещало скорый конец. О плачевном состоянии дел отчаявшийся редактор писал Осоргину:

Дорогой Михаил Андреевич, <...> № 4, кажется, будет отвратительным. Боюсь думать о нем.

Передовую написал сам — больной, лежа в постели. Насекомоядный отдел — тоже.

<Саша — Е.О.> Черный дал дрянь — но пустить пришлось, так <a>к не было уже времени, хотя его вещи я и смягчил — но все же... Видел сегодня Аминадо: он никак не ожидал, что я посмею не взять его вещи <—> отказался сотрудничать. Художники орут со всех сторон↓— требуют денег — а где их взять? Плохо.

Теперь — если можете, помогите. S.O.S. P.C.F.C.P. Не знаю, что еще!

Присылайте передовицу — можно о купальном сезоне и прочем таком.

Тэффи <я — Е.О.> написал. Яблоновский обещал.

Вас же прошу — передовицу <...>. Г. Ландау³⁴ дал слабую вещь³⁵.

В те же дни Ремизов получил письмо сходного содержания, хотя и менее подробное, что, очевидно, соответствовало степени его участия в редакционных делах:

характеризующий весьма отрицательное и малодостойное литературное явление, сведя все его поэтическое творчество — к «неумному и безобразному подражанию Пастернаку» [23, с. 110–111]. См. также упомянутый штрих к характеристике Кобякова, объясняющий причины, по которым осенью 1925 г. Кобяков был исключен из Союза молодых поэтов и писателей. Ср. запись от 1 ноября 1925 г., оставленную невестой Софиева, начинающей поэтессой Ириной Кнорринг: «В понедельник, за обедом Папа-Коля дает мне “Возрождение” <...>. Читаю в Хронике, что издательство “Птицелов” готовит к печати сборники Кобякова, Монашева и Ирины Кнорринг: “Стихи”. Я поняла, от кого исходит заметка, т.к. за такие-то самочинные выступления Кобяков и был исключен из Союза <...> оказывается, в “Днях” тоже была такая же заметка, даже с именем Терапиано» [6, с. 513–514].

³⁴ На первый взгляд неожиданным в ряду писателей-сатириков может показаться имя *Григория Адольфовича Ландау* (1877–1941) — журналиста, критика, публициста, жившего в это время в Германии. См. о нем: [16, с. 79–94]. Между тем авторский жанр остроумных афористических высказываний Григория Ландау давал основания для привлечения его в «Ухват». Содержание шестого номера «Ухвата» обнаруживает публикацию фельетона некоего А. Ландау под названием «Бенефис» (1926. № 6. 20 июля. С. 26). Стиль этого сочинения не ассоциируется с философским дискурсом Г.А. Ландау. «Рифму» в сюжет привлечения Григория Ландау в журнал вносит совпадение его фамилии и инициалов с именем писателя, в прошлом «сатириконововца», Георгия Александровича Ландау (1883–1974), оставшегося в России и в 1920-х гг. отошедшего от сатиры.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. №. 407. Л. 2.

Paris, le 23 mai 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил обе Ваши открытки.

Был около Вас — не зайти не смог.

Занят все время страшно — и работаю, почти, впусую: денег нет и выпуск каждого номера — подвиг.

Все еще не теряю надежды выпустить 4 № к 1му июня. Зий № я Вам послал.

Хотите — напишите об инвалидах — немного³⁶. Пойдет в четвертый №.

Отсутствие Осоргина сильно дает себя чувствовать.

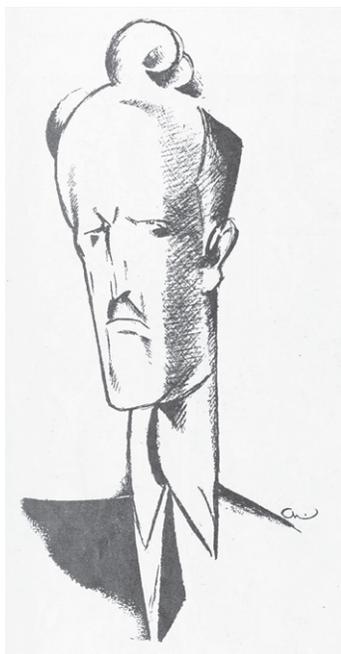
Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКоб.

P.S. М<ожет> б<ыть> зайду в понедельник вечером. <...>³⁷

Переписка редактора с тайной редколлегией показывает, что журнал испытывал как финансовые трудности, так и проблемы с литературными материалами. Фактически последний, шестой номер «Ухвата» вышел в свет 20 июля 1926 г. Слабая надежда на

возобновление потерявшего ритм выпусков двухнедельника еще теплилась поздней осенью. Кобяков в это время безуспешно пытался добыть денег, поступления которых в значительной степени зависели от продаж тиража, но ввиду неаккуратности распространителей журнала издание терпело значительные убытки. Например, обязанности генерального представителя «Ухвата» в ЧСР взял на себя писатель А.А. Воеводин, член редколлегий нескольких пражских органов печати. К нему у Кобякова накопился большой долговой счет, требовать уплаты по которому он решился при поддержке такого авторитетного лица, как В.Ф. Булгаков, в 1925–1927 гг. выполнявшего обязанности председателя Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В Прагу было направлено прошение:

А. Шем. М.А. Осоргин. Шарж. 1926. Опубл.: Ухват. 1926. № 4. 15 июня. С. [6].

A. Shem. M.A. Osorgin. Cartoon. 1926. Publ.: Ukhvat. 1926. No. 4. June 15. P. [6].

³⁶ На страницах «Ухвата» размещался призыв: «Помогите инвалидам-эмигрантам!!». Предложение Ремизовым не было принято.

³⁷ Amherst. Series 1. Box 4. Folder 3.

4 ноября <19> 26 г. Париж

Многоуважаемый Валентин Феодорович <sic!>!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой воздействовать на члена Союза Писателей в Праге А.А. Воеводина (Negudova 48, Vinogrady), чтобы он возвратил свой долг «Ухвату». На письма Воеводина не отвечает — иного способа к<a>к Ваше моральное воздействие к<a>к Председателя Союза — я не вижу.

Простите за беспокойство, но я сам сейчас работаю, и мне важно вернуть хоть часть денег истраченных на издание журнала.

По последнему отчету Воеводина — еще от 15 июня — за ним числится 25 экз<емпляров>, т.е. *на сумму 321 фр<анк> 25 сантим<и-мов>*. Эту сумму он должен мне выслать. Воеводину были предоставлены самые льготные условия, денег добиться всегда было трудно, а теперь, когда нет угроз прекращения высылки журнала — он не только не вернул денег, но даже перестал отвечать на письма.

А «Ухват»! — все же выйдет! В декабре.

Еще раз прошу прощения.

Жду ответа от Вас.

Искренно уважающий Вас,

ДмКобяков³⁸.

Деньги так и не были получены. Смирившись, Кобяков переключился на поэтическое творчество, готовя к печати второй свой сборник стихов под названием «Горечь». В январе он даже подумывал устроить литературные поминки собственному издательскому детищу. Развивая свою идею, он делился с Осоргиным тайными помыслами:

18 января 1927 г.

Дорогой Михаил Андреевич!

Не о вечере типа Аминады <sic!> мечтал я. Не корыстную цель преследовал.

Просто хотелось вызвать милую тень Ухвата — и вспомнить о том, чего не было. Собралось бы несколько избранных и посвященных, м<ожет> б<ыть> кто-нибудь и улыбнулся, и запомнил бы вечер. Вот и все. <...>. Неужели совсем никак нельзя достать денег? Но, хоть на один №! Михаил Андреевич...³⁹

В истории периодики русского зарубежья «Ухват» остается редким собранием неизвестных имен и нераскрытых псевдонимов. На страницах

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. № 746. Л. 2–3.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 4.

этого издания гипотетически и фактически было возможно соседство имен советских сатириков и, например, дадаиста Сергея Шаршуна, очевидно, попавшего в журнал с легкой руки Ремизова, поэта тифлисской школы авангардистов Георгия Евангулова и публициста Григория Ландау (возможно, привлеченного Осоргиным). С точки зрения истории эмигрантского графического искусства журнал представляет собой кладезь сатирической графики известных художников русского Парижа — Александра Шема, Федора Рожанковского и Роберта Пикельного.

В биографии Кобякова 1926 г., проведенный

в сотрудничестве с тайной редколлегией «Ухвата», стал временем интенсивного литературного ученичества и самоопределения в эмигрантском литературном и общественном пространстве. Принятая под руководством негласных идейных вдохновителей стратегия журнала, направленная на политический нейтралитет, социокультурные проблемы человека русского зарубежья и задачи русской литературы, оказалась шире сатирического жанра, точность оптики которой довольно быстро разбалансировалась. Возможно, это случилось и потому, что выбранная позиция внутренне не удовлетворяла редактора. Уже в 1927 г. он был захвачен планами по учреждению «Общества духовного общения с современной Россией», мотивируя в письме Ремизову необходимость такой институции: «Даже те, кто ненавидят Россию (как будто нельзя отделить власть от страны) должны изучать своих врагов» (Amherst. Series 1. Box. 4. Folder 10). После 1927 г. встречи бывшего редактора с Ремизовым стали редкими, а отношения с Осоргиным, напротив, несколько лет спустя приобрели новое наполнение, когда в начале

А. Шем. Д.Ю. Кобяков. Шарж. 1926. Опул.: Ухват. 1926. № 4. 15 июня. С. [6].

A. Shem. D. Yu. Kobayakov. Cartoon. 1926. Publ.: Ukhvat. 1926. No. 4. June 15.

1930-х гг., очевидно, не без участия известного писателя-масона Кобяков приобрелся к ордену вольных каменщиков и даже проявил на этом поприще личную инициативу, создав ложу «Гамаюн» [21, с. 173]. Тайные собрания эмигрантских братств посвящались умозрительным концепциям спасения отечества, его настоящему и будущему [21, с. 170–173]⁴⁰.

В 1958 г. Кобяков вернулся в СССР. Публичная деятельность новообращенного советского гражданина требовала редукации и редактирования эмигрантского прошлого. Только в 1962 г. он позволил себе воспоминания о парижской жизни 1920-х гг. В его рассказе «Резистанс», предложенном в алма-атинский журнал «Простор», появилось краткое упоминание о Ремизове и «Ухвате». Рассказ так и не был напечатан. Прочитавший рукопись Юрий Софиев, который разделил с Кобяковым судьбу репатрианта, был потрясен грубым искажением фактов, очевидцем которых ему довелось быть. В своем дневнике он сохранил фрагмент советской мемуаристики бывшего парижанина:

В это время (это 20–30 гг.) в Париже издавалось много советских журналов, я редактировал “Ухват”, в нем печатались А.М. Ремизов, Вас. Шушаев⁴¹, А.О. <sic!> Анненков (и еще какие-то имена, которые я узнал у Ю.С. <Ю.Б. Софиева>)... [23, с. 51].

Возмущенный «забывчивостью» друга, Софиев записал разговор, состоявшийся при личной встрече:

- Митя, какие советские журналы?
- Ну, «Парижский вестник» (?)⁴², ну, вообще и другие «просоветские» ...
- Так что же твой «Ухват» без контекста тоже, выходит, был советским журналом?
- Ну, просоветским [23, с. 51].

⁴⁰ Ср. воспоминания стороннего наблюдателя: «...у Осоргина по понедельникам как раз и собирались масоны, среди которых, действительно, было немало и литературной молодежи. Беседы велись на “душеспасительные масонские” темы, которые очень скоро всем надоели, уступая место литературным сплетням, спектаклям, и вообще литературным событиям. Осоргин приглашал по преимуществу литераторов, входивших и в другие ложи. Татьяна Алексеевна приготавливала чай, бутерброды и удалялась в свою комнату» [23, с. 82]. См. также: [20].

⁴¹ Подмена имени Александра Яковлева, предоставившего журналу одну графическую композицию (Ухват. 1926. № 2. С. 3), именем его друга Василия Шушаева, вернувшегося в СССР в 1935 г. и дважды прошедшего советские лагеря.

⁴² Ежедневная газета «Парижский вестник» (1925–1926) — советское издание в Париже [7, с. 590].

Литература

1. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2017) / авт.-сост. Е. Обатнина, Е. Вахненко. URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/II.%20Critical%20articles.html> (дата обращения: 01.08.2021).
2. *Безродный М.В.* Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. 1990. № 1. С. 224–228.
3. «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / вступ. ст. Л.Н. Белошевой; сост., биографии Л.Н. Белошевой, В.П. Нечаевой. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
4. *Гиппиус З.* Письма к Берберовой и Ходасевичу / ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor: Ardis, 1978. 120 p.
5. *Иоанн (Шаховской), архиеп.* Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, 1977. 420 с.
6. *Кнорринг И.* Повесть из собственной жизни: Дневник: в 2 т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга, Н.М. Черновой; вступ. ст., коммент. И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2009. Т. 1. 608 с.
7. *Кудрявцев В.Б.* Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья (1918–1941): Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. 936 с.
8. *Марьин Д.В.* Русская этимология и лексикография в исследованиях Д.Ю. Кобякова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 128–135.
9. *Обатнина Е.* «Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к эмигрантской биографии поэта Дмитрия Кобякова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. № 9. С. 85–95.
10. *Обатнина Е.* Дмитрий Солунский и Алексей человек Божий о литературных «чадах» (новонайденные дополнения к истории эпистолярных контактов Д.В. Философова и А.М. Ремизова) // Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н.А. Богомолова / под ред. А.Ю. Сергеевой-Клятис, М.Ю. Эдельштейна. М.: Новое литературное обозрение, 2021. С. 460–480.
11. *Обатнина Е.Р.* А.М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии // Русская литература. 2021. № 1. С. 161–168. DOI: 10/31860/0131-6095-2021-1-161-169
12. *Обатнина Е.Р.* Алексей Ремизов: между рецепцией и авторефлексией: (избранные страницы альбома «Зарубежная цензура». 1923–1931) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 246–265. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265>
13. *Обатнина Е.Р.* Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец» // Литературный факт. 2020. № (3) 17. С. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53>
14. Письма А.А. Кизеветтера Н.И. Астрову, В.И. Вернадскому, М.В. Вишняку / публ. М. Раева // Новый журнал. 1988. Кн. 172–173. С. 462–526.
15. Письма Г.В. Адамовича к З.Н. Гиппиус. 1925–1931 / вступ. ст., публ., коммент. Н.А. Богомолова // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2002. Вып. III. С. 435–535.
16. *Поляков Ф.* Тень окрыленной мысли. Памяти Григория Ландау // Ландау Г. Эпиграфы (Берлин, 1927 — Париж, 1930) / ред. и послесл. Ф. Полякова. М.: Пробел, 1997. С. 79–94.
17. *Поляков Ф.* Югославянские контакты Алексея Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. 2015. N.F. 3. P. 248–249.

18. *Ремизов А.М.* Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Ростов, 2000–2003, 2015–.
19. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // *Дiaspora: Новые материалы*. V. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. С. 335–401.
20. *Серков А.И.* М.А. Осоргин и его масонское наследие. М.: Ганга, 2018. 424 с.
21. *Серков А.И.* Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М.: Ганга, 2020. Т. II. 676 с.
22. *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
23. *Софиев Ю.* Вечный юноша. Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012. 160 с.
24. *Тименчик Р.* Об эмигрантских ложноименах // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 9–19.
25. *Устинов А.* Стихотворение, содержащее аллегорию, или последняя публикация Бориса Божнева // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013 (Winter). No. 43. P. 137–148. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/> (дата обращения: 01.06.2021).
26. *Ходасевич Вл.* Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста, указатели О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 478 с.
27. *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения / вступ. ст. П. Алешковского. М.: Книга, 1991. 319 с.
28. *Vejer T.R.* Бюллетени Дома Искусств (Берлин) // *Rossica*. 1997. № 1. С. 97–103.

Research Article

To the History of the Russian Foreign Press: “Ukhvat” Magazine

© 2021, Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: The publication was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 20-18-00007.

Abstract: Based on previously unknown archival materials, the article reconstructs the history of the creation of the first emigrant satirical magazine “Ukhvat”. The subject matter were peculiarities of the printed organ’s ideological and literary program, formed on the initiative of the Russian Montparnasse’s representative — the poet D.Yu. Kobyakov, and with the participation of A.M. Remizov and M.A. Osorgin which were well-known writers. They formed an informal editorial board, which actually determined the publication’s program. The article contains new data for the creative biography of the journal’s leaders. The published material allows us to trace the specific nuances of the journal’s program in the context of the Russian emigration and in the interpretation of its editor Kobyakov, who returned to the USSR in 1958. In the history of the Russian foreign press, “Ukhvat” remains a publication that reflects

the mentality of representatives of the Russian diaspora, humorous escapades of both famous literary masters and authors hiding under pseudonyms were published.

Keywords: Russian emigration, ideology, periodical press, satire, editorial strategy, D.Y. Kobayakov, M.A. Osorgin, A.M. Remisov, literary continuity.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarov Embankment, 4, 199034 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>. E-mail: lena.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. “To the History of the Russian Foreign Press: ‘Ukhvat’ magazine.” *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 278–303. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-21-278-303>

References

1. Aleksei Mikhailovich Remizov: *Bibliografiia (1902–2013)* [Alexey Mikhailovich Remizov: *Bibliography (1902–2013)*], comp. E. Obatnina, E. Vakhnenko. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2016. 834 p. (In Russ.) URL: <http://pushkinskiydom.ru/remizov/pages/II.%20Critical%20Articles.html> (Accessed 01 August 2021). (In Russ.)
2. Bezrodnyi, M.V. “Ob odnoi podpisi Alekseia Remizova” [“One Signature by Alexei Remizov”]. *Russkaia literatura*, no. 1, 1990, pp. 224–228. (In Russ.)
3. “Skit”. *Praga 1922–1940: Antologiiia. Biografiia. Dokumenty* [“Skit”. *Prague 1922–1940: Anthology. Biographies. Documents*], introd. by L.N. Beloshevskaiia; comp. comm. by V.P. Nechaeva. Moscow, Russkii put’ Publ., 2006. 768 p. (In Russ.)
4. Gippius, Z. *Pis'ma k Berberovoi i Khodasevichu* [Letters to Berberova and Khodasevich], ed. by E. Freiburger Sheikholelami. Ann Arbor, Ardis, 1978. 120 p. (In Russ.)
5. Ioann (Shakhovskoi), archbishop. *Biografiia iunosti: Ustanovlenie edinstva* [Biography of Youth: *Establishing Unity*]. Paris, YMCA-PRESS, 1977. 420 p. (In Russ.)
6. Knorring, I. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: Dnevnik: v 2 t.* [The Tale of Personal Life: The Diary: in 2 vols.], vol. 1, prep. by N.N. Knorring, N.M. Chernova; introd., comm. by I.M. Nevzorova. Moscow, Agraf Publ., 2009. 608 p. (In Russ.)
7. Kudriavtsev, V.B. *Periodicheskie i neperiodicheskie kollektivnye izdaniia russkogo zarubezh'ia (1918–1941): Zhurnalistika. Literatura. Iskusstvo. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. Religiiia. Voennaia i kazach'ia pechat': Opyt rasshirennoho spravochnika: v 2 ch.* [Periodical and Non-recurrent Collective Editions of Russian Abroad (1918–1941): Journalism. Literature. Art. Humanities. Pedagogy. Religion. Military and Cossack Press: Experience of the Extended Handbook: in 2 Parts], part 1. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011. 936 p. (In Russ.)
8. Mar'in, D.V. “Russkaia etimologiiia i leksikografiia v issledovaniiah D.Iu. Kobiakova” [“Russian Etymology and Lexicography in the Studies of D.Iu. Kobayakov”]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2009, pp. 128–135. (In Russ.)
9. Obatnina, E. “‘Ptitselov’ iz remizovskogo ‘gnezda’: k emigrantskoi biografii poeta Dmitriia Kobiakova” [“‘The Bird Catcher’ from Remizov’s ‘Nest’: to the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobayakov”]. *Vestnik NGU. Serii: Istoriia, filologiiia*, no. 9, 2021, pp. 85–95. (In Russ.)
10. Obatnina, E. “Dimitrii Solunskii i Aleksii chelovek Bozhii o literaturnykh ‘chadakh’ (novonaidennye dopolneniia k istorii epistoliarnykh kontaktov D.V. Filosofova i A.M. Remizova)” [“Dimitri Solunsky and Alexii, Man of God about Literary ‘Childrens’ (New Found Additions to the History of Epistolary Contacts D.V. Philosophov and A.M. Remisov)”].

Russkii modernizm i ego nasledie: Kollektivnaia monografiia v chest' 70-letia N.A. Bogomolova [Russian Modernism and his Heritage: Collective Monograph in Honor of N.A. Bogomolov's 70-th Anniversary], ed. by A.U. Sergeeva-Klitis, M.U. Edelstein. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021, pp. 460–480. (In Russ.)

11. Obatnina, E.R. “A.M. Remizov v bor'be za ‘son’: materialy k tvorcheskoi biografii” [“A.M. Remizov and His Struggle for ‘Dream’: Materials to Biography]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2021, pp. 161–168. DOI: 10/31860/0131-6095-2021-1-161-169 (In Russ.)

12. Obatnina, E.R. “Aleksi Remizov: mezhdu retseptsei i avtorefleksiei: (izbrannye stranitsy al'boma ‘Zarubezhnaia tsenzura’. 1923–1931)” [“Alexey Remizov: between Reception and Self-Reflection (The Chosen Pages of the Scrapbook ‘Foreign Censorship’. 1923–1931)”. *Studia Litterarum*, vol. 5, no. 4, 2020, pp. 246–265. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-4-246-265> (In Russ.)

13. Obatnina, E.R. “Etiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaja: ‘Esteto-razlozhenets’.” [“Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’.”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2020-17-8-53> (In Russ.)

14. “Pis'ma A.A. Kizevettera N.I. Astrovu, V.I. Vernadskomu, M.V. Vishniaku” [“A.A. Kizevetter's Letters to N.I. Astrov, V.I. Vernadskii, M.V. Vishniak”], publ. by M. Raev. *Novyi zhurnal*, vol. 172–173, 1988, pp. 462–526. (In Russ.)

15. “Pis'ma G.V. Adamovicha k Z.N. Gippius. 1925–1931” [“G.V. Adamovich's Letters to Z.N. Gippius. 1925–1931”], introd., publ., comm. by N.A. Bogomolova. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], issue 3. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2002, pp. 435–535. (In Russ.)

16. Poliakov, F. “Ten' okrylennoi mysli. Pamiati Grigoriia Landau” [“The Shadow of Inspired Thought. To the Memory of Gregory Landau”]. Landau G. *Epigrafy (Berlin, 1927 — Paris, 1930)* [Epigraphs (Berlin, 1927 — Paris, 1930)]. Moscow, Probel Publ., 1997, pp. 79–94. (In Russ.)

17. Poliakov, F. “Iugoslavijskie kontakty Alekseia Remizova v 1920-e–1930-e gody” [“The Yugoslav Contacts of Alexey Remisov in the 1920s and 1930s”]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch* [Vienna Slavic Yearbook], N.F. 3, 2015, pp. 248–262. (In Russ.)

18. Remizov, A.M. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Moscow, St. Petersburg, Russkaia kniga Publ., Rostok Publ., 2000–2003, 2015– (In Russ.)

19. “...s Vami beda — ne perevesti”: Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)” [“...You Are the Awkward One — Untranslatable’: D.P. Sviatopolk-Mirski's Letters to A.M. Remizov (1922–1929)”], publ. by R. Hughes. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora. New Materials], issue 5. Paris, St. Petersburg, Athenaeum Publ., Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russ.)

20. Serkov, A.I. *M.A. Osorgin i ego masonskoe nasledie* [M.A. Osorgin and his Mason's Heritage]. Moscow, Ganga Publ., 2018. 424 p. (In Russ.)

21. Serkov, A.I. *Rossiiskie masony. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XX* [Russian Masons. 1721–2019. Biographical dictionary. 20th century], vol. 2. Moscow, Ganga Publ., 2020. 676 p. (In Russ.)

22. Sobolev, A., Timenchik, R. *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888–1972* [Venice in Russian Poetry. An Anthology Publishing Experience. 1888–1972]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russ.)

23. Sofiev, I. *Vechnyi iunosh. Dnevnik* [Eternal Youth. Diary]. Almaty, Sed'maia versta Publ., 2012. 160 p. (In Russ.)

24. Timenchik, R. “Ob emigrantskikh lozhnoimenakh” [“About Pseudonyms of Emigrants”]. Shrubina, M., and O. Korostelev, editors. *Pseudonimy russkogo zarubezh'ia:*

Materialy i issledovaniia [Russian Émigré Writers Pseudonyms: Materials and Research]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016, pp. 9–19. (In Russ.)

25. Ustinov, A. “Stikhotvorenie, sodержashchee allegoriiu, ili posledniaia publikatsiia Borisa Bozhneva” [“A Poem Containing an Allegory or a Recent Publication by Boris Bozhnev”]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 43, 2013 (Winter), pp. 137–148. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/>. (In Russ.)

26. Khodasevich, Vl. *Kamer-fur'erskii zhurnal [Chamber Fourier Journal]*, introd., text prep., indexes by O.R. Demidova. Moscow, Ellis Lak Publ., 2002. 478 p. (In Russ.)

27. Shakhovskaia, Z. *V poiskakh Nabokova. Otrazheniia [In Search of Nabokov. Reflections]*, introd. by P. Aleshkovsky. Moscow, Kniga Publ., 1991. 319 p. (In Russ.)

28. Beyer, T.R. “Biulleteni Doma Iskusstv (Berlin)” [“Art Center Bulletins (Berlin)”]. *Rossica*, no. 1, 1997, pp. 97–103. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.06.2021

Одобрена после рецензирования: 10.07.2021

Дата публикации: 25.09.2021

The article was submitted: 18.06.2021

Approved after reviewing: 10.07.2021

Date of publication: 25.09.2021